

ТЕТРАДЬ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

ПЕСАХ

12 тем для изучения и обсуждения за праздничным столом

Двенадцать вопросов из урока рава Рафаэля Бенизри «Песах: время не непрерывно»: что десять казней делают с десятью речениями творения, к кому обращался Б-г, когда никого не было, почему у Шабата три молитвы и чего мы на самом деле желаем, говоря «до ста двадцати лет». Вплоть до решающей мысли Рава: каждое мгновение — новое творение.

Рав Рафаэль Бенизри

Содержание

Темы для размышления и вопросы для обсуждения за столом Песаха

-
01	Казни — изнанка речений
02	К кому Он обращался, когда никого не было?
03	Мицраим — предел моря
04	Невидимая точка, которая держит всё
05	Три Шабата в одном
06	«Я» — не заповедь
07	Время — не непрерывная линия
08	Амалек — подделанное начало
09	Нечист не умерший
10	Воды верхние и воды нижние
11	До ста двадцати лет
12	Знать — не значит познать
-

Казни — изнанка речений

ВВЕДЕНИЕ

Мир был сотворён десятью речениями, а Египет поражён десятью казнями. Рав начинает урок с этой параллели — и с вопроса: что такого чудесного в этих казнях?

ВОПРОС

Что «чудесного» в казнях, похожих на обычные бедствия, — испорченная вода, паразиты, эпидемии?

ОТВЕТ

Рамбам: в вечер Песаха выдвигают на первый план чудеса и знамения Египта.

Десять казней — иллюстрация манипуляции речениями творения, того, как их лишают их цели. Это казни, свидетельствующие о неправильной работе правил творения, законов природы.

Вода, превращённая в кровь, размножение вшей, эпидемии: взятые по отдельности, это события почти обыденные. Чудесными их делает то, что они приводят в движение все законы нормального функционирования природы разом.

И есть, говорит Рав, тесная связь между последней казнью, казнью первенцев, и первым речением творения — тем, что не вполне является речением.

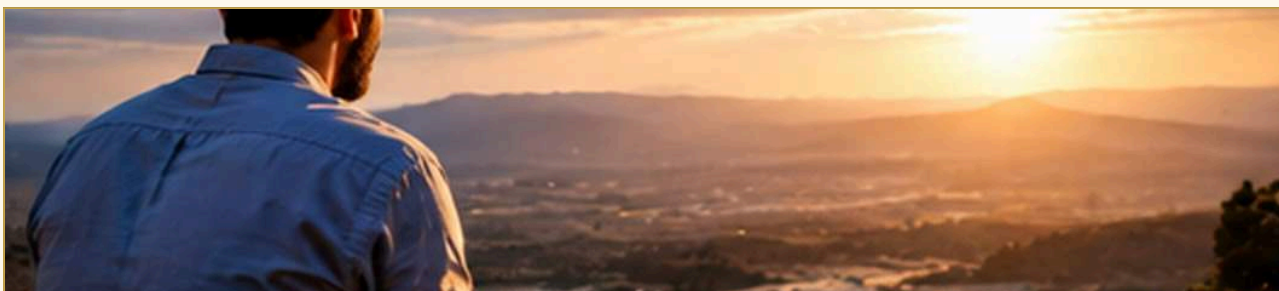
ВЫВОД РАВА

Десять казней Египта — иллюстрация манипуляции речениями творения.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Слово, лишённое цели, становится казнью: невыполненное обещание, корыстный комплимент, слово, сказанное, чтобы ранить. Какое из наших слов этой недели было «лишено цели»? А какое по-настоящему что-то сотворило?

К кому Он обращался, когда никого не было?

ВВЕДЕНИЕ

Мир был сотворён десятью речениями. Но если их сосчитать, найдёшь лишь девять: наши мудрецы дополняют их, считая «Берешит» речением. Но речение предполагает кого-то, к кому обращаются.

ВОПРОС

Как «Берешит» может быть речением, если ещё нет никого, кто бы его услышал?

ОТВЕТ

«Берешит нами маамар у» — Берешит тоже речение (Мегила 21б). Ани и аин пишутся одними и теми же буквами.

Если никого нет, я могу говорить лишь с самим собой. Нет отношения, нет проявления: это всегда моё ани, и это ани — аин, ничто: буквы ани, «я есть», и аин, «нет ничего», одни и те же.

Именно в отступлении моего «я» я могу утвердить своё «я». Я не могу утвердить его, не подумав сперва, что в какой-то момент меня не было. Моё собственное существование подобно сотворению мира: из ничто к бытию. Ани никогда нельзя отделить от аин.

И всё же Берешит — действительно речение, потому что здесь произошёл прыжок в мир творения. Этот прыжок и есть первая точка.

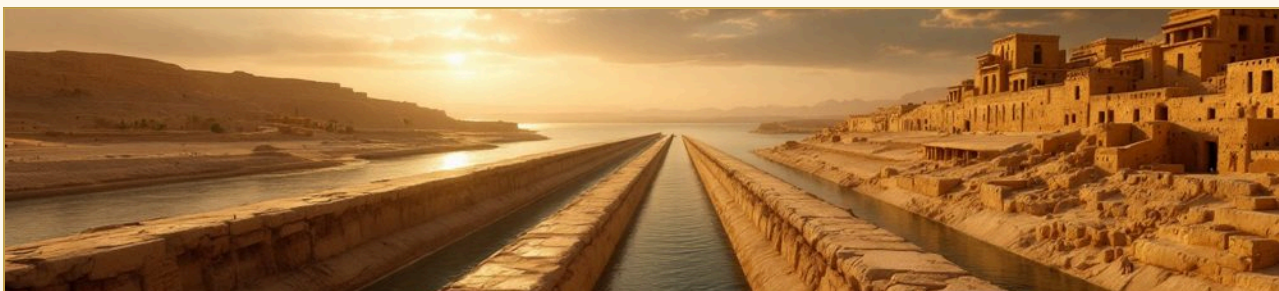
ВЫВОД РАВА

Именно в отступлении моего «я» я могу утвердить своё «я».

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Перед каждым «я» было время, когда нас не было. Пусть каждый расскажет о моменте, когда ему пришлось замолчать, немного отступить, чтобы затем по-настоящему утвердить себя.

Мицраим — предел моря

ВВЕДЕНИЕ

Рав разлагает Мицраим на мецар ям: предел моря. Почему Египет определяется границей, поставленной воде?

ВОПРОС

От чего отказывался Египет, стремясь удержать воду в пределах?

ОТВЕТ

Мицраим: мецар ям, предел моря.

Вода выражает движение бесконечного. Пока у неё нет границы, она стремится растечься, затопить мир, всю вселенную. Но такой мир не принадлежал к категориям мышления Египта: для него мир был ограничен, его силами нужно было владеть, их нужно было направлять в русла.

Именно там произошёл первый разрыв между аин, бесконечным, и ани, «я» и реальностью. А ани нельзя отделить от аин: зло родилось из этого разделения.

Сама мудрость, сама наука открывают мир именно в этом изъятии себя из реальности вещей. Ибо мир нужно открывать — так же, как нужно открывать присутствие Творца.

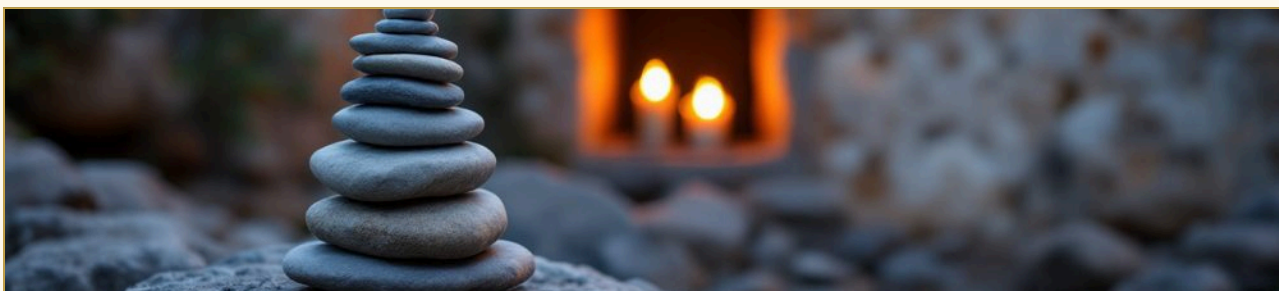
ВЫВОД РАВА

Ани нельзя отделить от аин.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Мы любим всё направлять в русла, всё предусматривать, всем владеть. В какой области нашей жизни мы закрыли дверь неожиданному? И что случилось бы, если бы мы позволили немного «перелиться через край» щедрости, любопытству, подаренному времени?

Невидимая точка, которая держит всё

ВВЕДЕНИЕ

У каждой фигуры есть грани; на неё можно смотреть с четырёх сторон, сверху, снизу. Но то, что её удерживает, не видно: это её центр тяжести. Рав ищет такую точку во времени.

ВОПРОС

Что во времени является невидимой точкой, удерживающей всё целое?

ОТВЕТ

Берешит пишется теми же буквами, что и яре Шабат.

Решит, начало, — это та невидимая точка, тот центр тяжести, который удерживает всякую вещь. В пространстве точка бесконечно мала; лишь увеличиваясь, она начинает чертить линию, затем плоскость, затем объём. Но в начале есть эта точка.

Во времени эта точка — Шабат. Он невидим, как центр тяжести, и именно он придаёт устойчивость остальному. Сами буквы слова Берешит говорят об этом: яре Шабат.

Поэтому число семь возвращается постоянно, со своей исходной точкой: вес, центр тяжести всякого существования, всякой реальности.

ВЫВОД РАВА

Центр тяжести, главное — это Шабат.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

То, что держит дом, не всегда видно. Какова «невидимая точка» нашей недели, момент, который её удерживает? А если её нет, какую мы могли бы создать вместе?

Три Шабата в одном

ВВЕДЕНИЕ

У праздников одна общая молитва. У Шабата же их три разных: вечерняя, утренняя, дневная. Рав видит в этом три Шабата в одном.

ВОПРОС

Что празднует каждая из трёх субботних молитв и что такое «день, весь — Шабат»?

ОТВЕТ

«Ата кидашта», «Исмах Моше», «Ата эхад ве-шимха эхад»; и «йом ше-кулло Шабат».

Вечером «Ата кидашта» празднует творение: тот, кто углубляется в творение, в конце пути открывает Творца. Утром «Исмах Моше» празднует иное откровение: уже не через творение, а через исход из Египта, предвещающий дарование Торы. Днём «Ата эхад»: Ты един, имя Твоё едино, народ Твой един. Это уже не исток: это устремлённость к цели.

Эта цель — день, весь — Шабат. Не ещё один день отдыха: день, когда Шабат творения будет включён в Шабат откровения, а Шабат откровения — в Шабат творения.

Тогда, говорит Рав, если сорвать с дерева смокву, сама смоква скажет: сегодня Шабат. Мир творения возмутится посягательством на само устройство своего бытия.

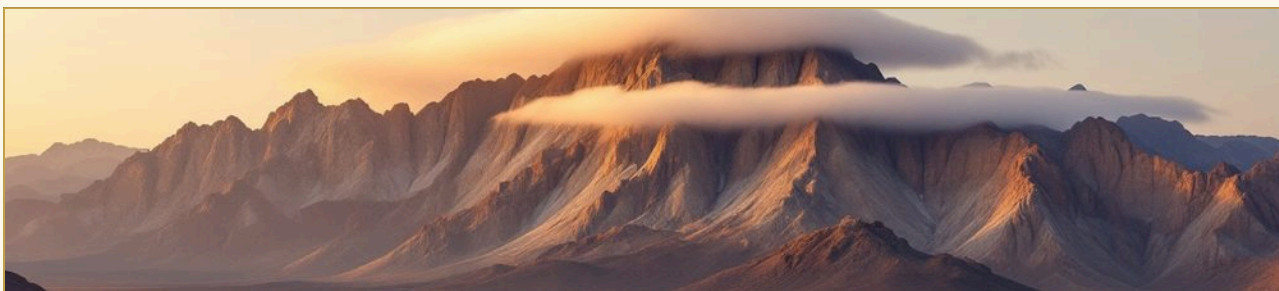
ВЫВОД РАВА

Когда сорвут смокву с дерева, смоква скажет нам: сегодня Шабат.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Вечер — для творения, утро — для Торы, день — для единства: какую из трёх молитв мы проживаем больше всего, а какую меньше? И что в природе вокруг нас могло бы напомнить нам, что есть границы, которые нужно соблюдать?

«Я» — не заповедь

ВВЕДЕНИЕ

Говорят о десяти заповедях. Но первая, «Я Г-сподь, Б-г твой», ничего не повелевает. А посреди рассказа об исходе из Египта появляется глава, кажущаяся не к месту: «Освятите Мне всякого первенца».

ВОПРОС

Почему всё начинается с «Я», которое ничего не повелевает, — и зачем освящать первенца в момент выхода из Египта?

ОТВЕТ

«Анохи Ашем Элокеха»; «Кадеши ли холь бхор» (Шмот 13:2).

У Синая то же явление, что и при творении: девять заповедей и одна данность. «Я Г-сподь, Б-г твой» — не заповедь: это данность, которую мы должны усвоить, без которой нет ничего. Я не могу говорить о заповеди, если нет повелевающего; иначе я не признаю никакой иерархии. Анохи предшествует девяти заповедям, как Берешит предшествует девяти речениям.

Точно так же глава о первенце — не отступление: вся тайна в начале. Либо мы освятили исходную точку, либо ничто не держится. И та же глава присоединяет к ней тфилин и освящение месяца: постоянное начало.

Поэтому первенцы постятся накануне Песаха: нужно освятить бхору, а когда нельзя сделать это словом, делают это изучением Торы.

ВЫВОД РАВА

Я не могу говорить о заповеди, если нет повелевающего.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

И в семье ничто не держится, если исходная точка неясна. Каковы две-три «данности» нашего дома — те, что не обсуждаются, потому что из них вытекает всё остальное? Говорили ли мы их когда-нибудь нашим детям?

Время — не непрерывная линия

ВВЕДЕНИЕ

Мы живём, строя планы: завтра, в следующем году, через три года. Мы верим в непрерывность вещей. Но в иврите понятия непрерывного времени нет.

ВОПРОС

Если каждое мгновение — отдельное творение, что создаёт у нас иллюзию, будто время течёт без перерыва?

ОТВЕТ

«Обновляющий в благости Своей каждый день, постоянно, дело творения» (утренняя молитва).

Как прямая — лишь непрерывная последовательность точек, так время — непрерывная последовательность мгновений. Ни одно мгновение не тождественно другому, и каждое мгновение — творение. Нет непрерывной энергии, поддерживающей мир: она обновляется, как капля, питающая лампаду. Это никогда не та же капля, и это создаёт у нас впечатление непрерывности.

Это непрерывное движение творения на самом деле — прерывистые творения: нисим и нифлаот, чудеса и знамения. Каждое мгновение жизни само по себе чудо. Между исходом из Египта и тем, что последовало, нет непрерывного движения: есть разрыв.

Поэтому праздник называется Хаг а-Мацот. Что лежит между мацой и хлебом? Время, чтобы дать тесту подняться, придать ему иной вкус — наш. Семь дней нужно нейтрализовать в своём сознании это время, искажающее изначальный вкус, и не давать нашему духовному порыву времени рационализироваться.

ВЫВОД РАВА

Каждое мгновение жизни само по себе чудо.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Мы откладываем важное на момент, которого ещё нет. Если ничто не гарантирует непрерывности, что нужно сказать или сделать на этой неделе, а не «когда-нибудь»? Пусть каждый назовёт одно дело — и дату.

Амалек — подделанное начало

ВВЕДЕНИЕ

«Первый из народов — Амалек», — говорит Билам. Рав читает этот стих как портрет того, кто подделывает начало, — и выводит из него смысл последней казни Египта.

ВОПРОС

Что происходит, когда подлинное начало подменяют сфабрикованной исходной точкой?

ОТВЕТ

«Решит гоим Амалек» (Бемидбар 24:20).

Не сумев проникнуть в тайну подлинного начала, ему приписывают другую исходную точку: это и есть решит гоим Амалек. А когда принцип решит погран, не остаётся ничего, ибо в его крушении заключены все остальные.

И наоборот, первое уже содержит последнее: наши мудрецы сказали, что Б-г, открываясь Моше, уже возвещал ему последнюю казнь. Казнь первенцев — это крушение всех исходных посылок мышления, принятых в Египте.

Поэтому в этой казни не участвуют ни Моше, ни Аарон. Это Я выхожу, это Я проявляю Себя — и одного этого проявления достаточно, чтобы смерть потерпела поражение. Исход из Египта запускает новое начало.

ВЫВОД РАВА

Когда принцип решит погран, не остаётся ничего.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

У каждого из нас есть «начало», которое мы рассказываем, чтобы оправдать свои решения: моё детство, мой характер, то, что со мной сделали. Какая из этих исходных точек подлинная, а какая сфабрикована? Пусть каждый осмелится усомниться в одной из них.

Нечист не умерший

ВВЕДЕНИЕ

Думают, что нечистота — это смерть. Рав переворачивает эту мысль: умерший не нечист. Нечисты мы, приближающиеся к нему, не зная, что такое смерть.

ВОПРОС

Откуда нечистота, если не от самого умершего, — и почему вода очищает?

ОТВЕТ

Тума — от атум: закупоренный. Маим — слово, у которого нет единственного числа.

Тума происходит от слова атум, закупоренный. Когда мы закупорены, когда нам нечего ответить, мы в состоянии тума. Нечистыми нас делает наше отсутствие ответа перед лицом смерти, а не умерший.

Туме противостоит вода, таара: она очищает, восполняет силы, разливает благословение. Она — жизнь, и эта жизнь принадлежит бесконечному: у неё нет границ. Поэтому у слова маим нет единственного числа.

Откровение здесь, рукой подать: либо его схватывают, либо явление смерти торжествует над всем, что воздвиг человек.

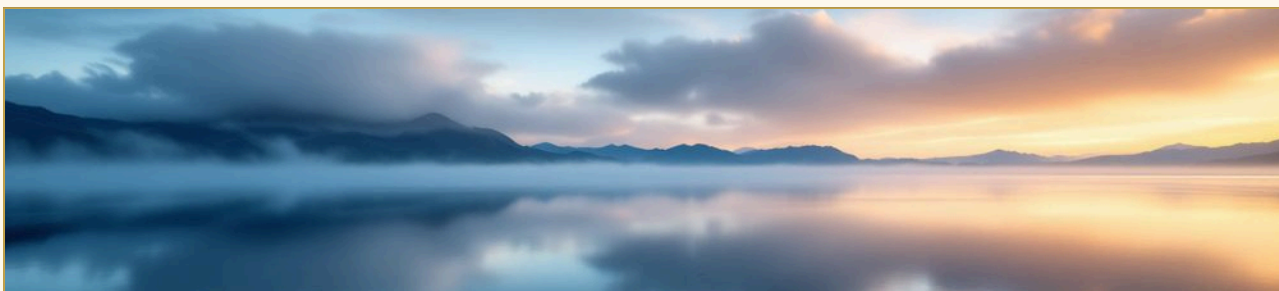
ВЫВОД РАВА

Умерший не нечист; но мы, соприкасающиеся с умершим и не знающие, что такое смерть, пребываем в нечистоте.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Перед трауром, болезнью, неудачей мы часто «закупориваемся»: не знаем, что сказать, и потому молчим. Какая ситуация оставила нас в этом году без ответа? Что можно было бы сказать или сделать, пусть даже неуклюже?

Воды верхние и воды нижние

ВВЕДЕНИЕ

Казни начинаются с воды, обращённой в кровь. Рав напоминает, что при творении верхние воды от нижних отделяет речение.

ВОПРОС

Почему первая казнь поражает воды и что она говорит о фараоне?

ОТВЕТ

Паро — от паруа: беспорядочный, не подчиняющийся больше никакому правилу.

Нижние воды — это сердце, вся система орошения тела кровью. Верхние воды — это сехель, разум, мозг. Нам нужны двое тфилин: молитва для разума и молитва для сердца. Можно ли их разделить? Тот, кто их разделяет, ничего не понял в жизни: она тогда подделана, искажена.

Их нужно уравновесить, и равновесие создаёт дыхание уст, речь: весы между разумом и сердцем. Порча вод свидетельствует о закрытости для слова.

Фараон поддерживал это разделение. Поэтому при нём мир вышел из своего изначального порядка: он стал паруа, беспорядочным, не подчиняющимся больше никакому правилу. Кто этого не понял, замыкается в бесконечном упрямстве.

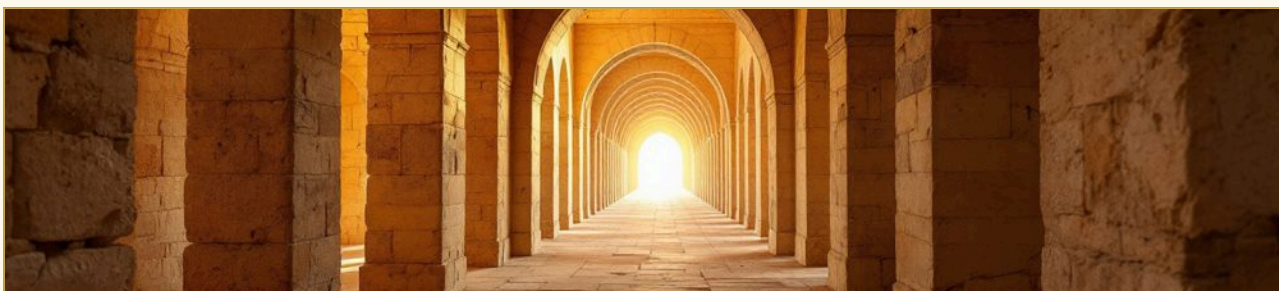
ВЫВОД РАВА

Речь — весы между разумом и сердцем.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Одни решают головой, другие — сердцем. Что преобладает в каждом из нас? И когда голова и сердце спорят при семейном решении, даём ли мы слову связать их или решаем молча?

До ста двадцати лет

ВВЕДЕНИЕ

Есть сорок девять врат чистоты и сорок девять врат нечистоты, и они почти соприкасаются. Рав выводит из этого удивительное прочтение пожелания, которое произносят не задумываясь: «до ста двадцати лет».

ВОПРОС

Чего на самом деле желают человеку, говоря «до ста двадцати лет»?

ОТВЕТ

Семьдесят способов подхода к Торе, пятьдесят врат знания.

Всё искусство в том, чтобы удерживаться на верном пути, ведь врата чистоты и врата нечистоты почти соприкасаются. Дойти до пятидесятой точки, не имея к ней доступа, — это полный крах. Вспомним, что Аман, потомок Амалека, тоже считавший себя решит, был повешен на дереве в пятьдесят локтей.

Но те, кто умеет развиваться в верном направлении, открывают врата одни за другими на протяжении всей жизни. Пожелать человеку ста двадцати лет — значит пожелать ему вместить в свою жизнь семьдесят подходов к Торе через пятьдесят путей к знанию.

Моше это удалось: он постиг семьдесят языков и достиг пятидесятой ступени. Никто по сей день не знает места его погребения: оно в его Торе, в его образе жизни.

ВЫВОД РАВА

Его гробницы для нас больше нет. Она в его Торе.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

В следующий раз, желая «до ста двадцати лет», подумаем о содержании. Какие «врата» знания мы открыли в этом году? И какой подход к Торе, отличный от нашего, мы могли бы открыть для себя?

Знать — не значит познать

ВВЕДЕНИЕ

В конце урока Рав различает два близких слова: аскала и сехель — скажем, образованность и усвоенное знание. Маца, говорит он, — первая пища второго.

ВОПРОС

Какая разница между тем, чтобы понять вещь, и тем, чтобы по-настоящему её познать?

ОТВЕТ

«И познал человек Хаву, жену свою» (Берешит 4:1).

Аскала — это мир рассуждения, рацио. То, что я понимаю, я могу изучать так же, как изучал математику, — даже Талмуд: это раскрывает мне ум, как наука или биология.

Сехель, даат — это другое: усвоить то, что я изучаю, осуществить это в себе. Когда Тора говорит, что Адам «познал» Хаву, она учит, что подлинное познание — в любви, а подлинная любовь — та, что раскрывает нас.

Маца — первая пища этого познания. Она напоминает нам, что у жизни свой ритм, что она движется прерывистыми толчками.

ВЫВОД РАВА

Подлинное познание — в любви, а подлинная любовь — та, что раскрывает нас.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Мы знаем многое, чем не живём. Какую идею, однажды усвоенную, мы действительно вобрали в себя настолько, что она изменила наши поступки? И какого человека мы научились познавать, любя его?